

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-6-186-191

ВАСЯЕВ Александр Александрович,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: Advokat.mgka2@gmail.com

ДУДНИКОВА Каролина Валериевна,
аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С УЧЕТОМ РАЗВИВАЮЩИХСЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РЕЗОЛЮЦИИ ООН A/RES/79/1

Аннотация. Развитие цифровых технологий значительно повлияло на правоприменительную практику, особенно в контексте трансграничного обмена и использования электронных доказательств. В условиях цифровой трансформации и активного международного сотрудничества в правовой сфере особое значение приобретают вопросы допустимости и юридической силы доказательств, полученных за пределами Российской Федерации. Исследования в этой области подчеркивают необходимость пересмотра процессуальных норм, международного правового сотрудничества и адаптации внутреннего законодательства к новым реалиям цифровой трансформации. В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты признания таких доказательств, существующие правовые механизмы их применения и судебная практика.

Ключевые слова: доказательства, цифровые доказательства, юридическая сила доказательств, цифровые технологии, Российская Федерация, Резолюция Генеральной Ассамблеи 22 сентября 2024 года «Пакт во имя будущего».

VASYAEV Alexander Alexandrovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure
Law of the Moscow State Law University
named after O.E. Kutafina (MGUA)

DUDNIKOVA Karolina Valerievna,
postgraduate student of the Department
of Criminal Procedure Law of the Moscow State Law
University named after O.E. Kutafin (MSAL)

LEGAL FORCE OF EVIDENCE OBTAINED OUTSIDE THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION TAKING INTO ACCOUNT DEVELOPING DIGITAL TECHNOLOGIES, INTERNATIONAL LAW AND UN RESOLUTION A/RES/79/1

Annotation. The development of digital technologies has significantly affected law enforcement practice, especially in the context of cross-border exchange and use of electronic evidence. In the context of digital transformation and active international cooperation in the legal sphere, issues

of admissibility and legal force of evidence obtained outside the Russian Federation are of particular importance. Research in this area emphasizes the need to revise procedural rules, international legal cooperation and adapt domestic legislation to the new realities of digital transformation. This article examines key aspects of the recognition of such evidence, existing legal mechanisms for its application and judicial practice.

Key words: *evidence, digital evidence, legal force of evidence, digital technologies, Russian Federation, General Assembly Resolution of 22 September 2024 «Pact for the Future».*

Развитие цифровых технологий и расширение международного взаимодействия в правоприменительной практике привели к трансформации подходов к использованию доказательств в судопроизводстве, что вызывает потребность в адаптации национальных правовых систем к новым реалиям, включая вопросы доказывания в процессе осуществления правосудия. Происходящая цифровизация судопроизводства в значительной степени изменила способы собирания, проверки и оценки доказательств, в том числе полученных за пределами национальных юрисдикций.

Современные цифровые технологии порождают разнообразные виды доказательств, которые становятся ключевыми в следующих категориях дел: хакерство, распространение вредоносного программного обеспечения, кража персональных данных, хищение криптовалюты, кибершантаж, незаконное распространение контента, онлайн-мошенничество и др. Сегодня среди основных способов сбора данных при формировании доказательной базы можно назвать следующие:

- 1) Данные серверов и облачных систем (переписка в мессенджерах, электронная почта, резервные копии документов, журналы операций);
- 2) Видео- и аудиоматериалы (записи с камер видеонаблюдения, трансляции из социальных сетей, голосовые сообщения);
- 3) Информация с носимых и «умных» устройств (данные о физической активности, геолокации, записи датчиков);
- 4) Записи и транзакции в блокчейн-системах (информация о сделках с криптовалютами и других распределённых системах).

Эти данные предоставляют уникальную возможность для восстановления картины устанавливаемых событий с высокой степенью точности, но требуют строгой проверки и оценки на подлинность. Цифровые доказательства становятся важным элементом доказывания (они дополняют традиционные формы доказательств), опровержения доводы сторон по делу (например, фиксация ложных алиби через GPS-данные или социальные сети), анализа способов совершения преступлений (например, транзакции криптовалюты, следы платежей и активности в «серой зоне» сети).

Особенно актуальными становятся вопросы допустимости и юридической силы доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации. Доказательства, полученные за пределами территории России, в частности электронные данные, становятся все более значимыми. Однако их юридическая сила зависит от ряда факторов, включая способ получения, правомерность использования, субъект собирания доказательств и соответствие международным и национальным стандартам.

В условиях трансграничного обмена данными важным элементом становится взаимодействие между национальными правовыми системами, в том числе по средствам международных нормативных актов и двухсторонних (многосторонних) соглашений между государствами.

Принятая 22 сентября 2024 года Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/79/1 «Пакт во имя будущего»¹ вводит стратегические ориентиры на международное правовое сотрудничество, верховенство принципа цифровой справедливости и развитие универсальных стандартов признания электронных доказательств.

Как известно, юридическая сила доказательств определяется законностью их собирания, допустимостью и относимостью. Как подчёркивает М.Г. Янин, электронные доказательства обладают особым статусом, требующим специфических критериев верификации и оценки их достоверности [1]. В условиях трансграничного обмена ключевыми критериями юридической силы цифровых доказательств являются достоверность, допустимость и аутентификация источника. Однако, как подчеркивает В.Н. Тебенкова, недостаточная унификация международных процедур приводит к неоднозначности в их принятии судами разных стран [2].

Важнейший из критериев результативности получения цифровых доказательств – это законность, которая определяется несколькими факторами:

- соответствием законодательству страны происхождения (данные должны быть получены в соответствии с нормами юрисдикции, где они собирались);

¹ Резолюция A/RES/79/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 22 сентября 2024 года «Пакт во имя будущего». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 01.04.2025).

- соблюдением международных стандартов (защита персональных данных и права на частную жизнь имеют ключевое значение);

- процессуальная обоснованность (запросы должны быть санкционированы и соответствовать процедурам международного правового сотрудничества).

Ключевым аспектом юридической силы цифровых доказательств является их процессуальная достоверность и возможность верификации источника получившего эту доказательственную информацию и у кого именно [3]. Это особенно важно при ведении трансграничных дел, где различие в стандартах безопасности и технической идентификации может породить сомнения в допустимости таких доказательств.

Электронные доказательства требуют доскональной проверки на подлинность не только с точки зрения ее содержания, но и формы передачи такой информации. На практике стали появляться криптографические методы проверки, например такие как проверка данных через контрольные суммы (хэш-функции) для подтверждения отсутствия изменений, анализ цепочки хранения и передачи данных при отслеживании пути данных от источника до суда, а также судебная экспертиза устройств, программного обеспечения и цифровой среды, где были получены данные.

В рамках Пакта это отражается в Действии 26, где утверждается следующее: «...доступ к правосудию, транспарентность, подотчётность и правовое равенство должны быть обеспечены через современные цифровые механизмы»¹.

Получение доказательств за на территории другого государства регулируется рядом международных документов, включая Гаагскую конвенцию 1970 года [4], Конвенцию о киберпреступности (Будапешт, 2001) [5] и двусторонние соглашения о правовой помощи. М.С. Сергеев указывает на тот факт, что в международной практике большое значение уделяется защите цифровых прав личности при получении доказательств, в том числе метаданных и переписки [6].

В свою очередь, К.К. Клевцов и В.Ф. Васюков обращают внимание на форму международных запросов, апостиля и легализации цифровых документов как механизма обеспечения их допустимости в российском суде [7].

Резолюция A/RES/79/1 Генеральной Ассамблеи ООН, отсылающая к необходимости коллективного международного правового реагирования на вызовы цифровой эпохи, в п. 5 Пакта подчеркивает важность соблюдения международного

права, как основы для доверия между государствами, а в действиях 7, 17 и 26 Резолюции говорится о необходимости цифровой устойчивости правосудия, внедрения механизмов доступа к правосудию и признания решений международных судебных органов. В пункте 5 Пакта указано: «Для этого потребуются подтвердить свою приверженность международному сотрудничеству, основанному на уважении к международному праву»². Данное положение подчёркивает необходимость унифицированного подхода к правовой оценке трансграничных цифровых данных. Более того, в действии 7 прямо указывается на необходимость доступа к правосудию для всех и создание подотчётных, прозрачных, цифрово-устойчивых правовых институтов. Это согласуется с необходимостью разработки механизмов международного признания электронных доказательств, полученных на территории других стран. Эти принципы формируют основу для выработки универсальных подходов к трансграничной допустимости цифровых доказательств.

Однако в российской практике использование электронных доказательств, полученных на территории других государств, связано с некоторыми сложностями. Е.А. Архипова анализирует случаи, когда суды отказывали в признании доказательств, представленных через облачные сервисы, в отсутствие подтверждения подлинности [8]. В то же время наблюдаются и положительные примеры принятия таких доказательств при соблюдении процедурной чистоты [9].

В целом российская судебная практика демонстрирует осторожный, но поступательный подход к принятию электронных доказательств, полученных за пределами страны. Исследования М.С. Дунаева показывают, что суды принимают такие материалы только при наличии четкой аутентификации и соблюдении международных процедур установленных процессуальным законодательством [10]. Вместе с тем, отсутствие нормативных механизмов интеграции международных цифровых данных в процессуальную систему России создает правовой вакуум.

Е.Р. Россинская и Т.А. Сааков показывают, что российские суды всё чаще рассматривают электронные письма, мессенджеры и облачные данные как допустимые доказательства, при условии их идентификации и верификации источника [11]. Однако при получении этих доказательств от иностранных компаний без надлежащей легализации они часто отвергаются.

¹ Генеральная Ассамблея ООН. (2024). Пакт во имя будущего (A/RES/79/1). <https://undocs.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 01.04.2025).

² Резолюция A/RES/79/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 22 сентября 2024 года «Пакт во имя будущего». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 01.04.2025).

При этом цифровые технологии уже по факту стали неотъемлемой частью множества дел, повсеместно принимается во внимание электронная почта, мессенджеры, хранилища данных, видеозаписи, блокчейн-решения. Современный подход требует оценки не только формы доказательства, но и достоверности его источника и способа получения [12].

Развитие юридических платформ (eDiscovery, LegalTech) открывает новые горизонты трансграничного правоприменения. Цифровизация охватывает не только форму доказательств (электронная почта, блокчейн, облачные хранилища), но и процесс их получения и верификации. В этой связи неизбежно встает вопрос о необходимости институционального доверия и цифровой идентификации [13]. Резолюция A/RES/79/1 в Действии 26 закрепляет ориентир на развитие цифровых систем правосудия, инклюзивность, прозрачность и подотчетность.

Уже сейчас, как справедливо указывает М.И. Воронин возникают правовые прецеденты использования данных из блокчейн-сетей, цифровых подписей и распределённых баз как доказательств [14].

Однако основная проблема заключается в признании технической эквивалентности между странами. Это отражено в Действии 17 Пакта: «Мы будем развивать механизмы правового признания решений Международного суда и иных юридических механизмов...»¹. Такая формулировка усиливает аргументацию в пользу трансграничного правового доверия, включая признание цифровых доказательств как правомочных в других странах. При этом экспертное мнение имеет решающее значение, особенно если требуется оценка соответствия данных техническим и процессуальным требованиям, анализ их актуальности и достоверности, проверка возможных воздействий на данные третьих сторон.

В.Н. Тебенкова отмечает важность выработки унифицированных стандартов допустимости, а также создание платформы для межгосударственного обмена цифровыми доказательствами [2].

Судебные органы любой страны будут оценивать цифровые доказательства с учётом источника данных (они должны быть предоставлены доверительными сторонами, например, признанными технологическими компаниями), методики получения (без признаков манипуляций), подтверждения достоверности путем использования официальных методов фиксации данных.

Цифровые доказательства признаются допустимыми при выполнении следующих условий:

1. Данные были получены законным путём с соблюдением норм национального и международного права.
2. Эта информация доказывает ключевые обстоятельства в ходе производства по делу.
3. Полученные доказательства не нарушают права участников процесса.

И тем не менее, одной из основных проблем получения цифровых доказательств за пределами территории Российской Федерации по-прежнему является отсутствие согласованных международных стандартов допустимости цифровых доказательств, различия в национальных законодательствах, а также риски, связанные с фальсификацией цифровых следов. Признание доказательств, полученных в одном государстве, в другом государстве требует международной правовой гармонизации, как это предусмотрено в Пакте во имя будущего (пункты 7 и 12).

Среди других проблем надо упомянуть коллизии частного и процессуального права, сложности с аутентификацией цифровых источников (особенно облачных данных, мессенджеров, VPN), различия в процедурных нормах, риски нарушения принципа состязательности. С учетом этих противоречий в упомянутом выше Пакте подчёркивается, что возникающие проблемы должны решаться путём укрепления «многосторонности» и цифровой прозрачности (п. 7, действие 19), что может включать инициацию процессов стандартизации, укрепление трансграничного правового сотрудничества, создание единых требований к верификации и хранению цифровых данных, разработку механизмов для минимизации рисков манипуляций данными.

Как представляется, будущее трансграничного доказывания может быть связано с внедрением международных протоколов в рамках ООН и Совета Европы, расширением юрисдикции по признаку цифровой доступности, признанием блокчейн-записей как доказательств, использованием AI для верификации цифровых материалов.

Кроме того, развитие цифрового правосудия, в частности концепции Smart Justice, требует пересмотра многих процессуальных подходов, особенно в трансграничном контексте. В этом плане «Пакт во имя будущего» устанавливает стратегический курс на развитие цифровых форм правосудия, создание международных стандартов допустимости доказательств и институционализацию цифрового правового пространства. Это требует нормативного и процессуального пересмотра национальных правовых систем, усиления

¹ Резолюция A/RES/79/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 22 сентября 2024 года «Пакт во имя будущего». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 01.04.2025).

международной правовой помощи и сотрудничества через ООН, Гаагскую конференцию и Советы по цифровому праву.

Можно констатировать, что «Пакт во имя будущего» 2024 года задаёт глобальный тренд на создание универсальных стандартов цифровых доказательств, развитие правового цифрового пространства на основе доверия, принятие на международных форумах решений о трансграничной допустимости данных, а также вовлечение ООН как медиатора в систему правовой верификации доказательств через цифровые платформы.

Таким образом, использование доказательств, полученных на территории другого государства, включая электронные данные, требует соблюдения баланса между эффективностью расследования и рассмотрения уголовных дел и защитой прав человека. В условиях глобализации и цифровизации важно развивать международное сотрудничество, внедрять современные технологии проверки данных и вырабатывать единые стандарты, чтобы гарантировать их юридическую силу. Работа в рамках международных соглашений и инициатив ООН открывает новые возможности для создания справедливой и устойчивой системы судопроизводства.

Юридическая сила доказательств, полученных за пределами Российской Федерации, в условиях цифровизации представляет собой сложный комплекс правовых, технических и этических вопросов. Актуальность выработки единых правовых подходов возрастает, поскольку только так возможно обеспечить принцип справедливого правосудия в условиях трансграничного взаимодействия и цифровой экономики.

Юридическая сила цифровых доказательств, полученных за пределами территории России, зависит от сочетания технической достоверности, процессуальной допустимости и международного признания. Резолюция ООН A/RES/79/1 2024 года задает ориентиры цифровой справедливости, правового инклюзивизма и устойчивости. Она служит важной основой для реформирования и модернизации подходов к цифровым доказательствам как на национальном, так и глобальном уровнях.

Включение норм и идеологий Резолюции A/RES/79/1 ООН в российский правовой порядок не только усилит юридическую силу трансграничных цифровых доказательств, но и создаст основу для международного правового диалога. Цифровая трансформация правосудия требует нового уровня доверия, институционального сотрудничества и синхронизации юридических режимов – как на национальном, так и на международном уровне.

Список литературы:

- [1] Янин М.Г., Кочедыкова К.М. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. – 2019. – №. 2 (22). – С. 28-31.
- [2] Тебенкова В.Н. Отдельные проблемы экстратерриториальной исполнительной юрисдикции государств в киберпространстве // Международное право. – 2023. – №. 4. – С. 36-48.
- [3] Куликова Я.А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. – 2024. – №. 6. – С. 81-98.
- [4] Ходыкин Р.М. Вопросы применения Гаагской конвенции 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – №. 12. – С. 22-25.
- [5] Шестак В.А., Чеботарь А.С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования // Образование и право. – 2023. – №. 8. – С. 305-310
- [6] Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт : дисс... к.ю.н. – Уральский государственный юридический университет, 2018. 322 с.
- [7] Клевцов К.К., Васюков В.Ф. Получение электронной информации по уголовным делам в рамках международного сотрудничества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12. – №. 1. – С. 36-51.
- [8] Архипова Е.А. Правовой статус и процедура признания электронных документов в качестве доказательств в уголовном процессе иностранных государств // Технологии XXI века в юриспруденции. – 2021. – С. 388-399.
- [9] Курячая Ю.Д., Малолеткова Е.А. Институт цифрового наследования в российской федерации и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российской юстиции. – 2024. – №. 34. – С. 151-159.
- [10] Дунаева М.С. Использование цифровых материалов в уголовно-процессуальном доказывании // Юридическая наука. – 2023. – №. 7. – С. 252-255.
- [11] Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – №. 3 (15). – С. 106-123.

[12] Пузырева Ю.В. Зарубежный опыт информационного обмена между правоохранительными органами государств в рамках расследования преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий // Государство и право в эпоху глобальных перемен. – 2022. – С. 462-463.

[13] Юрина А.П. Цифровая трансформация российского правосудия // Судебная власть в условиях новых вызовов. Часть 2. – 2024. – С. 293.

[14] Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – №. 8 (129). – С. 118-128.

Spisok literatury:

[1] YAnin M.G., Kochedykova K.M. Problemy sbora, proverki i ocenki elektronnyh dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve // Upravlenie v sovremennyh sistemah. – 2019. – №. 2 (22). – С. 28-31.

[2] Teben'kova V.N. Otdel'nye problemy ekstraterritorial'noj ispolnitel'noj yurisdikcii gosudarstv v kiberprostranstve // Mezhdunarodnoe pravo. – 2023. – №. 4. – С. 36-48.

[3] Kulikova YA.A. Cifrovye tekhnologii v processe dokazyvaniya v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2024. – №. 6. – С. 81-98.

[4] Hodykin R.M. Voprosy primeneniya Gaagskoj konvencii 1970 goda o poluchenii za granicej dokazatel'stv po grazhdanskim ili trgovym delam // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2008. – №. 12. – С. 22-25.

[5] SHestak V.A., CHEbotar' A.S. Budapeshtskaya konvenciya kak osnovopolagayushchij mekhanizm protivodejstviya kiberprestupnosti: novacii i perspektivy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Obrazovanie i pravo. – 2023. – №. 8. – С. 305-310

[6] Sergeev M.S. Pravovoe regulirovanie primeneniya elektronnoj informacii i elektronnyh nositelej

informacii v ugovnom sudoproizvodstve: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt : diss... k.yu.n. – Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2018. 322 s.

[7] Klevcov K.K., Vasyukov V.F. Poluchenie elektronnoj informacii po ugovnym delam v ramkah mezhdunarodnogo sotrudnichestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2021. – T. 12. – №. 1. – С. 36-51.

[8] Arhipova E.A. Pravovoj status i procedura priznaniya elektronnyh dokumentov v kachestve dokazatel'stv v ugovnom processe inostrannyh gosudarstv // Tekhnologii XXI veka v yurisprudencii. – 2021. – С. 388-399.

[9] Kuryachaya YU.D., Maloletkova E.A. Institut cifrovogo nasledovaniya v rossijskoj federacii i za rubezhom: sravnitel'no-pravovoj analiz // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2024. – №. 34. – С. 151-159.

[10] Dunaeva M.S. Ispolzovanie cifrovych materialov v ugovno-processual'nom dokazyvanii // YUridicheskaya nauka. – 2023. – №. 7. – С. 252-255.

[11] Rossinskaya E.R., Saakov T.A. Problemy sobiraniya cifrovych sledov prestuplenij iz social'nyh setej i messendzherov // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – 2020. – №. 3 (15). – С. 106-123.

[12] Puzyreva YU.V. Zarubezhnyj opyt informacionnogo obmena mezhdru pravoohranitel'nymi organami gosudarstv v ramkah rassledovaniya prestuplenij v sfere informacionno-kommunikacionnyh tekhnologii // Gosudarstvo i pravo v epohu global'nyh peremen. – 2022. – С. 462-463.

[13] YUrina A.P. Cifrovaya transformaciya rossijskogo pravosudiya // Sudebnaya vlast' v usloviyah novyh vyzovov. CHast' 2. – 2024. – С. 293.

[14] Voronin M.I. Osobennosti ocenki elektronnyh (cifrovych) dokazatel'stv // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2021. – №. 8 (129). – С. 118-128.

